

УДК 86.66 (81.22)

Л.М. Гаврилина

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО «КАЛИНИНГРАДСКОГО ТЕКСТА»

Выявляется символическое ядро «Калининградского текста», который рассматривается в качестве знаковой манифестации калининградской региональной субкультуры. Объектом анализа стала специфическая группа текстов, сознательно ориентированных на создание своеобразного «портрета» региона, запечатление его символического универсума. Обращение к официальным символам Калининградской области как тексту позволяет выявить семантику и степень их включенности в содержательное пространство «калининградского текста».

Ключевые слова: *текст, локальный текст, сверхтекст, символ, символизация, субкультура.*

Тема локальных или «городских» текстов – своеобразных текстов-конструктов, отражающих специфику того или иного локуса и являющихся его знаковой манифестацией, – в последнее десятилетие получила достаточно широкое распространение в современной русскоязычной филологической и культурологической литературе. Идея восходит к блестящим работам Н.П. Анциферова о Петербурге [1, 2], к трудам участников тартуско-московской семиотической школы [3, 4]. Широкую известность получили работы В. Абашева о «пермском тексте» [5, 6], в которых он ввел в оборот термин «локальный текст» и представил Пермь как текст и «пермский текст» в русской литературе: «Символическое поле Перми, вместилище ее эмблематики и архетипов, с точки зрения семиотики можно рассматривать как особый вид текста. Его следовало бы назвать локальным, поскольку он поставлен в соответствие локусу и формируется из его семиотических ресурсов» [5. С. 36]. Активно обсуждается «крымский текст» [7, 8], широкую известность, хотя и неоднозначную трактовку, получила проблема «московского текста» [9]; есть публикации о «таллинском тексте» русской культуры [10], о локальных текстах малых провинциальных городов и российских регионов и т.д.

Представляется вполне закономерной постановка вопроса о «калининградском тексте» [11]. Совокупность культурных текстов (литературных, живописных, фотографических, рекламных и т.д.), сложившаяся в условиях калининградской региональной субкультуры на основе осмысления/переживания соответствующих исторических и социокультурных реалий, представляет собой смысловое и языковое единство, которое позволяет говорить о формировании локального сверхтекста. Отличительной особенностью подобного рода феноменов является их культуроцентричность: они всегда складываются вокруг того или иного ядра,

на основе которого формируется «максимальная смысловая установка» (термин В.Н. Топорова), выражающая главную интенцию текста. Центрирующим «калининградский текст» фундаментом стало осмысление отношения к чужой истории, чужой культуре, во взаимодействии с которыми приходится жить калининградцам. Процесс осмысления происходит как стихийно, на уровне массового сознания, в структурах повседневности, так и на специализированном уровне – в художественной культуре, научных исследованиях. Концептуализация этого отношения является жизненно необходимой для развития российской культуры на территории бывшей Восточной Пруссии.

Содержательно «калининградский текст» разворачивается как осмысление культурной «особости», в основе которой – жизнь «на границе», на «разломе», «на стыке»: эпох, культур, ментальностей, памятников, символов [12]. Лейтмотивом его является топос особенности: Калининградская область позиционируется как «самая молодая», «самая маленькая», «самая западная», находится она «в самом центре Европы» и является «особой экономической зоной», «пилотным регионом». Оценка особенности носит амбивалентный характер. С одной стороны, область – «форпост России», «окно в Европу», «мост между Россией и Европой», «перекресток культур» и «перекресток европейской истории», «российский полюс интеграции в европейское социокультурное пространство», «регион сотрудничества». С другой стороны, она – «остров России» и даже – «узник Европы». Другим важнейшим топосом «калининградского текста» является мотив «двух – в одном» миров: «своего» и «чужого», «нашего» и «немецкого», «послевоенного» и «довоенного», Калининграда и Кенигсберга. Текст приобретает характер палимпсеста. «Калининградский текст», в соответствии со сложившейся в отечественной гуманитаристике традицией, вполне вписывается в разряд локаль-

ных (топологических) сверхтекстов, представляющих, по мнению исследователей, «единоцельное семантическое пространство, созданное некоторым классом текстов» [13].

Важнейшим способом организации культурной реальности и запечатлевающих ее текстов является символизация. «Символ – особым образом понята, оцененная и трансформированная реальность, являющаяся результатом человеческой познавательной-оценочной деятельности в контексте человеческого общения» [14]. Процесс рождения символа укоренен в сфере бессознательного, до-рефлексивного. Посредством рефлексии смысл оформляется в символ. Символическое содержание может быть развернуто в повествование и стать мифом, а может претвориться в систему определенных действий и обернуться ритуалом. Э. Кассирер в свое время обосновал первичность символа как структуры сознания по отношению к мифу и ритуалу [15]. «В любой культуре символ является основанием текстопорождения. Предмет, реально существующий в качестве природного объекта или артефакта и наделяемый культурой качеством быть символом, не может осуществить свои символические функции, не становясь фактом сознания (о-сознания), а потому – знаком» [16. С. 69]. Символ – это содержание, которое закреплено за той или иной вещью, явлением, тем или иным способом предметного выражения. Механизм символизации позволяет предельно широкое, часто абстрактное знание выразить, запечатлеть в конкретной чувственной форме. Символы, с одной стороны, обобщают имеющееся знание, закрепляют его в культуре, являясь своего рода «сгустком смысла», с другой стороны, могут стать основой для развертывания повествования и порождения нового знания. Символы, хотя и конвенциональны, но в отличие от прочих знаков, это не рассудочная договоренность, это конвенция, основанная на включенности в мир культурных ценностей и смыслов. Символом нельзя назначить «нечто» быть, символы «рождаются», «живут» и «умирают». Поскольку символы укоренены в бессознательных структурах нашей психики, реакция на них – сильная и эмоциональная – рождается на уровне ментальности, а не сухого знания фактов. Это превращает символы и работу сознания с ними: символизацию, десимволизацию – в один из наиболее важных механизмов культуры.

Символическое ядро «калининградского текста» может быть выявлено на различном материале: художественных, политических, рекламных, фольклорных текстах, повседневных речевых практиках и т.д. Все эти культурные феномены

могут быть рассмотрены в качестве текстов, если исходить из широкого понимания текста как некоторой совокупности знаков, выстроенной в соответствии с определенными правилами и передающей сообщение. В данном случае нам хотелось бы обратиться к специфическому роду текстов, сознательно ориентированных на создание своеобразного «портрета» региона, запечатление его символического универсума. Таковы официальные символы города и области, проекты гимна области, представленные на конкурс, заставки калининградских веб-сайтов, разнообразная сувенирная продукция.

Обращение к официальной символике Калининградской области (герб, гимн, флаг) как тексту позволяет выявить его семантику и степень включенности в содержательное пространство «калининградского текста». Официальные символы области обладают ярко выраженной спецификой, их принятие связано с проведением вполне рациональных процедур обсуждения, отбора, утверждения. Однако будут ли они легитимизированы в сознании большинства граждан, начнут ли «работать» как настоящие символы, зависит от многих факторов, в том числе от того, насколько соответствует принятая символика неким архетипическим основаниям ментальности сообщества. Разработка, обсуждение и принятие официальной символики Калининграда и области – один из значимых этапов развития региональной культуры, отражающих поиск идентичности, осмысление места области в России и мире. Процесс был достаточно продолжительным по времени и напряженным по накалу страстей [17]. Когда в начале 90-х гг. XX в. по всей стране прокатился вал переименований городов, возвращения им старых названий, он сопровождался и возвратом прежних исторических гербов. В Калининграде и других городах области также поднимался вопрос об использовании старых немецких гербов. Значительная часть городов области (Приморск, Балтийск, Багратионовск) вернули себе довоенные гербы. Другие города, такие как Калининград, Гусев, Черняховск, Светлогорск, частично сохранили прежнюю символику. Города из третьей группы получили новые гербы, отражавшие изменившиеся исторические реалии. Процесс утверждения гербов был продолжительным, сопровождался бурными дискуссиями, касавшимися, прежде всего, главной калининградской темы – отношения к прошлому края, в данном случае – возможности использования элементов гербов восточнопрусских городов. Интерес представляет как процесс выбора символики, так и факт выбора. Официальная символика Калинин-

града включает в себя герб, флаг и нагрудной знак главы города. Разработан и принят также герб и флаг Калининградской области.

Герб Калининграда (принят в 1999 г.). Приведем геральдическое описание герба города: «В лазоревом (синем, голубом) поле серебряный корабль с одним парусом и с серебряным вымпелом о двух концах, обремененным лазоревым Андреевским крестом, на мачте, прорастающей внизу тремя зелеными листьями; в оконечности – золотые безанты, уложенные в волнистый, о двух волнах, пояс и уменьшающиеся к краям. Сердцевой щиток пересечен серебром и червленью; вверху – корона, внизу – уширенный на концах равноконечный (греческий) крест, обе фигуры переменных цветов. Щиток окружен лентой медали "За взятие Кенигсберга"». В официальном толковании символики герба можно выделить несколько акцентов. Во-первых, **море**: синий цвет щитка, белый одномачтовый парусник с тремя веслами – фиксация приморской локализации области. Во-вторых, **российское военное присутствие** на Балтике: андреевский флаг на мачте. В-третьих, **занятия жителей, связанные с морем**: военный флот (андреевский флаг), рыболовецкий флот, добыча янтаря: 12 золотых (желтых) безантов (шаров) на фоне моря одновременно символизируют и **янтарь**, янтарный промысел, и напоминают поплавки рыбацких сетей. В-четвертых, **история края**. Кенигсбергское прошлое Калининграда представлено частью герба Кёнигсберга (герб Альштадта с короной и крестом). Прочитаем официальное описание герба: «Сердцевой щиток с крестом под короной является геральдическим наследием города, символически отображает официальную дату образования города – 1255 г.». Акцентируются связи славянских и прусских племен, позже – России и Восточной Пруссии (Великое Посольство Петра I). В-пятых, Великая Отечественная война – хронологический рубеж, когда город сменил облик, название, жителей и культуру. О **войне** и, соответственно, о штурме города свидетельствует черно-зеленая лента от медали «За взятие Кёнигсберга», хорошо знакомой жителям города. В целом символика герба отражает содержание и структуру «калининградского текста», который мы реконструируем по другим источникам, как вербальным, так и визуальным.

Герб Калининградской области, принятый областной Думой в апреле 2010 г., сохранил основное содержательное направление, намеченное символикой герба Калининграда, хотя имеет совершенно иной облик. Приведем официальное геральдическое описание герба Калининградской

области: «В червленом поле на волнистой лазоревой оконечности, обремененной пятью золотыми безантами в ряд, серебряный, мурованный черным, замок белого цвета с зубчатой стеной, со сквозной аркой ворот и с двумя зубчатыми башнями по краям, сопровождаемый во главе золотым вензелем императрицы Елизаветы Петровны. Щит увенчан янтарной короной особого вида (золотым венцом с обручем, украшенным янтарем, с девятью видимыми зубцами, из которых средний и крайние листовидные, перемежающиеся тремя меньшими, из которых средние больше, и завершены тремя соединенными янтарными шарами, а меньшие завершены одним таким же шаром) и окружен лентой ордена Ленина». Основная цветовая гамма напоминает российский флаг (красный фон, синее море и белый замок) и символизирует российскую принадлежность области и ее приморское географическое положение. Историческое прошлое (древний рыцарский период истории края) символизируют несколько элементов: корона, по форме – такая же, как на гербе города (корона Оттокара II, основателя города), но не красная, а янтарная, и замок. Вензель Елизаветы Петровны над белым замком должен напомнить о более позднем периоде истории земли – о вхождении Восточной Пруссии в состав Российской империи после Семилетней войны. В этом смысле Елизавета – символ не менее значимый, чем Петр Великий, который бывал в Кёнигсберге. Лента ордена Ленина, окружающая щит, напоминает о советской истории Калининградской области. Янтарь безошибочно угадывается в пяти золотых (желтых) кругах на фоне моря.

Между принятием герба города (1999 г.) и герба области (2010 г.) прошло одиннадцать лет. Герб Калининграда был детищем романтических и хаотичных 90-х. Областной герб отражает новые политические и социокультурные реалии. Стали более спокойно говорить о немецком прошлом: с ним «смирлись», его «приняли» как данность. Важным рубежом в этом процессе стало празднование 750-летия города (Кенигсберга? Калининграда?). Юбилей был поддержан на самом высоком уровне участием российского президента и канцлера Германии. Ими был открыт новый музей в отреставрированных Королевских воротах, изображение которых стало эмблемой юбилейных торжеств. С другой стороны, усилившиеся государственнические амбиции проявились в напоминании о победах в Семилетней войне и более явной отсылкой к советскому периоду. Несмотря на разную предметную выраженность содержание двух «текстов» практически идентично. Посколь-

ку эпопея с принятием гимна пока не завершилась, мы обратимся к анализу отобранных специальной комиссией и представленных для обсуждения в Областную думу более полутора десятков проектов гимна Калининградской области¹. Гимн как жанр нацелен на символизацию, он по сути своей – развернутый символ, представленный в вербальной форме. Анализ пятнадцати проектов гимна позволил выявить главные темы, посредством которых авторы стремились показать специфику области, ее достоинства, историю, т.е. создать ее символический образ. Мы выделили 8 тем, которые встречаются не менее пяти раз, т.е. в трети проектов.

1. Приоритетной темой, присутствующей во всех 15 вариантах, является тема **Российской принадлежности области**: «*Наши флаг российский реет гордо, /.../ Здесь обрела свой дом Россия – великой волею времён*» (1); «*На западе дальнем Российской державы – оплот мы – отчизны родной*»(3); «*Ты запад нашей Родины роскошной*» (5); «*Балтийский берег и российский флаг – /Скреплённый кровью Родины очаг!*» (7); «*На самом западе России /Великой Родины оплот*» (9); «*Сын единой России /Край янтарный родной*» (10); «*Над Балтикой хмурой ты – парус России, /Оплот нерушимости наших границ*» (12); «*Расцветает балтийский наш край – /Достояние российской земли*» (6). В лексикографической характеристике Калининградской области упор делается на том, что она: «оплот» (отчизны, нерушимости), «очаг», «дом», «сын» – нечто надежное, важное, являющееся достоянием страны, ее опорой, неотъемлемой частью (российский флаг). Подчеркивается особенность географического положения области – на **самом западе** державы.

2. Вторым важнейшим мотивом являются «**море**», «Балтийский берег», присутствующие в 14 из 15 проектов: «*Край веших зорь открыт морям, его причал – Балтийский берег*» (1); «*Балтийское море – простор величавый, /где чайки летят над волной*» (3); «*Лазурным морем, синем небом окружен*» (5); «*Море, ветер и дюны вокруг / Здесь на Западном крае страны*» (6); «*Встал город у*

моря, как гордая птица» (13). Этот мотив важен в качестве привязки к реальному географическому пространству и демонстрации природной красоты края.

3. На третьем месте по частоте использования – «**янтарь**» (в 12 проектах из 15): «*Край славен янтарем и хлебом*» (1); «*Наши край – земля янтарная*» (3); «*Янтарный край – ты наш причал и пристань*» (5); «*Волишебный край – столица янтаря!*» (7); «*Ты словно орден на груди России / Янтарная звезда – Калининград*» (15).

4. **Война, героизм советских воинов, Победа** упоминаются в 10 проектах: «*Мы славим подвиг всенародный, героев помним имена*» (1); «*Наши солдат – советский воин / Укротил фашистский смерч! Здесь имена героев улицы хранят*» (4); «*Знамя Победы в надежных руках*» (8); «*Слава народу, фашизм победившему!*» (13). Этот мотив важен для легитимации самого существования области, он отсылает к событиям, определившим историю области.

5. **Довоенная история** (в 9 из 15 вариантов) представлена отдельными упоминаниями о древности края, о прежних хозяевах земли, об историческом прошлом, о котором нынешние жители «*память веков сберегли*» (3): «*Кенигсберг- Калининград*» (2); «*Ты как крепость создавался / Сотни лет тому назад / Кёнигсбергом назывался, / Стал теперь Калининград*» (4); «*семь веков служил ты войнам, / На восток, направив меч*» (4); «*стал родным, раздавленный судьбой, / старинный город*» (7). Упоминаются отдельные исторические факты, природные и архитектурные объекты: «*В сплетенье Ганзейских сюжетов / Нас Преголя, Собор Кафедральный, / Посвящают преданьем сакральным*» (2). Город осознается как место встречи культур: «*Готических соборов шпиль / И Храма купол золотой / Два времени соединили*» (9); «*Была ты землёю пруссов когда-то / А стала янтарным краем России*» (14). Упоминания о «семи веках» чужой довоенной истории, «Ганзейском союзе», о «древнем», «старинном» городе Кенигсберге, ставшем Калининградом, наиболее значимы в данном контексте.

6. **Мирный труд, восстановление из руин города** (в 8 проектах): «*Наши город и край из руин мы подняли / для жизни, труда, для любви*» (3); «*Мы из руин тебя подняли / И не отринем никогда. / Морским узлом судьбу связали / С янтарным краем навсегда*» (10).

7. Достаточно часто упоминается **своеобразие региона**, связанное с географическим положением и особой миссией (в 8 проектах): «*на самом Западе страны*» (1); «*дальний берег отчизны родной*» (6); «*внешне он от России отколот*» (2); «*дале-*

¹ Проект закона «О Гимне Калининградской области» и 17 вариантов текста гимна представлены на официальном сайте Калининградской областной думы: <http://duma39.ru/committees/legislation/publications/3008/> Двое из авторов представили по два варианта текста, мы рассматриваем их в качестве единых проектов, поэтому в нашем перечне только 15 позиций: 1) А. Самусевич, 2) Е. Шепелёва, 3) В. Еремеева, 4) Р. Хрыпова, 5) З. Попова, 6) О. Пашковская (два варианта), 7) С. Алейник, 8) И. Лозина, 9) Н. Борисенков, 10) Т. Синькова, 11) В. Капустин, 12) В. Игнатьев, 13) М. Ефимова, 14) В. Ячменев (два варианта), 15) А. Лунин. В тексте статьи при цитировании в скобках указан номер проекта в данном списке.

кий анклав, наша Малая Родина – /Великой России частица одна» (11); **«Ты представляешь Родину в Европе /Любимый город – крепкий наш оплот»** (5); **«Наш славный край – пилотный край России»** (11), **«Хранит он мир под звёздным небом на самом Западе страны»** (1). В Калининградском контексте упоминание «звездного неба» воспринимается как явная цитата из известного текста И. Канта. Формулируется особая миссия региона: «дальний», «далекий», «анклав», «частица России», которая представляет страну в Европе. Эта тема также широко укоренена в массовом сознании и входит в словарь «калининградского текста».

Оставшиеся три мотива встречаются гораздо реже, однако не единичны.

8. В трети проектов упоминается появившийся в городе **православный Собор** (в 5 проектах): **«И Храма купол золотой»** (9); **«Взлетел в поднебесье Собор пятиглавый»** (13); **«Возвысился гордо Собор златоглавый, /он дарит нам солнца лучи»** (3), **город «украшен золотыми главами церквей»** (5). Несколько раз золотые купола связываются с янтарем: **«здесь в сердце области, /как россыпь янтара /Нам светят храма купола!»** (6). Православные храмы появились в области в 90-е гг. Первым храмом стал Свято-Никольский храм, открытый в бывшей Юдиттенкирхе. Позже появились храмы, выстроенные по канонам православной церковной архитектуры (например, храм в г. Мамоново). Однако именно появление кафедрального собора в центре города Калининграда на площади Победы стало событием знаковым, моментально нашедшим отражение в визуальных образах города на веб-сайтах, сувенирной продукции и т.д.

9. **Край богатый, красивый, богатые недра** (в 4 проектах): **«Ты славен добрыми делами, /Людьми и недрами богат»** (10), **«Добываем мы нефть и янтарь /И встречаем в портах корабли»** (6), **«Щедры наши недра, несметны богатства, /Светла и пригожа моя сторона!»** (12).

10. Трижды упоминается **космос**. Утвердилось представление о Калининграде как родине космонавтов: **«Зовут как на привычную работу /Твоих неугомонных сыновей /Космические звездные полеты, /Просторы океанов и морей»** (15). **«Край, где сходятся космос и море – Цареград на балтийском просторе!»** (2).

11. Особый характер калининградцев (2): **«Все мы семья, у нас особый здесь род: /Со всей России собирает народ...»** (8), **«Здесь люди особо круто-го замеса»** (14).

Анализ официальной символики Калининграда и области отчетливо демонстрирует наличие общего смыслового пространства, структуры и

лексики этих субтекстов, а также их вписанность в содержательное поле «калининградского текста», реконструированное по другим источникам. Сходные представления о символах Калининграда и области как базовых скрепах картины мира можно получить и при анализе художественных текстов, музейно-экспозиционного пространства, заставок калининградских веб-сайтов, сувенирной продукции, которую предлагает туристическая индустрия, и т.д. Сложность такого рода работы связана с необозримостью материала и неизбежным субъективизмом при отборе текстов для анализа. Официальные символы, прошедшие процесс активного обсуждения, отбора, структурирования, могут выполнять роль некоего ориентира.

Визуально символическое пространство «калининградского текста» представлено в заставках калининградских веб-сайтов, в разнообразной сувенирной продукции. В коллажах, украшающих веб-сайты, предпринята попытка создания символического образа города, в котором соединены Кенигсберг и Калининград. На сайте газеты «Новые колеса» представлены: Кафедральный собор – символический центр Кенигсберга и Дом Советов – вертикальная доминанта современного Калининграда, занявшая место взорванного Королевского замка. С Рыбной деревней – современной стилизацией кенигсбергской фахверковой архитектуры – соседствует современная стандартная застройка в виде девятиэтажных жилых домов, являющихся неременным атрибутом архитектурного облика любого российского советского города. Складывается образ современного российского города с европейским прошлым. Портал «Город Канта» украшен коллажом, в центре которого – река Преголя, уходящая вдаль, над ней слоган: «Город Канта – город-мечта». На правом берегу реки – Кёнигсберг: башня Врангеля (Башня Дона?), Южный вокзал, Собор, Королевские ворота, Биржа, костел Св. Семейства, Бранденбургские ворота. На левом берегу – российский город: Балтийский деловой центр, Храм Христа Спасителя, сквер у драмтеатра с фонтаном, Рыбная деревня. Преголя, по-видимому, символизирует реку времени, визуально воплощает «рубеж», «границу». Находящиеся по обе стороны реки два города могут лишь издали любоваться друг другом. Заставки других калининградских сайтов не столь объемны, но в целом выдержаны в том же духе. Тема противостояния/взаимодействия обыгрывается обычно через сопоставление двух главнейших символов: Кафедрального собора, ныне восстановленного, и Дома Советов, строительство которого никак не удастся завершить уже более сорока

лет. Более напряженным выглядит противопоставление разрушенного Королевского замка и возведенного на его месте, но так и не достроенного Дома Советов. Эта пара воспринимается как откровенная конфронтация двух эпох, двух культур, двух городов. Характерен в этом отношении проект В. Щербакова «Иллюминация саркофага неоновыми лампами, или Реконструкция силуэта Королевского замка на фасаде Дома Советов», выполненный в 2003 г. [18. С. 69]. В последние годы, после завершения строительства в центре Калининграда православного кафедрального храма, сложилась новая пара: немецкий Кафедральный собор на острове Канта и новый российский православный храм Христа Спасителя на площади Победы. Этот вариант *vis-a-vis* отражает более дружественную атмосферу. Доминирующим становится не противостояние, а возможное взаимодействие, предполагающее движение навстречу друг другу, что отражает изменившиеся в последние два десятилетия социокультурные реалии. Сходная картина наблюдается при анализе сувенирной продукции, в частности магнитных табличек с видами Калининграда и городов области. Долгое время на них был очень узкий круг объектов: Королевские ворота, Собор, Замок, – которые воспринимались как главные достопримечательности города. Сейчас круг образов значительно расширился, стали широко использоваться изображения вновь выстроенных объектов: православного собора на площади Победы и комплекса «Рыбная деревня». У российского Калининграда впервые за все время его существования появились вновь построенные, собственные, вызывающие положительные эмоции объекты, которые можно с чувством гордости демонстрировать гостям города.

Символы края, существующие в массовом сознании, позволяют выявить материалы опросов. В частности, в последние пять – десять лет местные СМИ неоднократно инициировали проведение подобных опросов о наиболее значимых в области памятниках культуры, исторических событиях, известных людях, составивших славу города. Так, в 2007 г. газета «Комсомольская правда», одна из самых массовых в области, провела конкурс «Семь шедевров Янтарного края». В голосовании по поводу лучших памятников архитектуры и скульптуры в области приняли участие более 4200 читателей. В первый список, составленный по предложениям читателей, вошло 37 объектов, из которых послевоенных – 12. В окончательный список вошло 20 памятников, из которых российских – 7. В результате в перечень «Семи чудес Янтарного края» вошли только немецкие довоенные

сооружения. На первом месте оказался Кафедральный собор (13,3% – 559 голосов), далее, в порядке убывания: Королевские ворота (9,7% – 407 голосов), Башня Дона (Музей янтаря) (358 голосов), бывшая кирха памяти королевы Луизы (331 голос), кирха Св. Семейства (318 голосов), Мост королевы Луизы в г. Советске (299 голосов), здание Кенигсбергской биржи (298 голосов). Эти семь памятников стабильно на протяжении всего конкурса занимали лидирующие позиции. Ближайший к победителям памятник российского периода – Собор Христа Спасителя оказался на 9-м месте, ему не хватило около сотни голосов для того, чтобы попасть в заветный список. Думается, что, если бы подобный опрос проводился сегодня, православный собор, безусловно, попал в список победителей.

В 2010 г. та же газета провела голосование (на сайте) о наиболее известных людях города, составивших его славу. В голосовании приняло участие 400 человек. Лидер рейтинга определился сразу, это был И. Кант, набравший 71,3% голосов (остров Канта и могила Канта). В этом результате организаторы опроса не сомневались. Для очень многих людей Калининград так же четко ассоциируется с именем Канта, как в свое время Кенигсберг. С большим отрывом на втором месте – проживавший в Калининграде, космонавт Алексей Леонов с 12,6% голосов (вспомним упоминание о космосе в проектах гимнов!). На третьем месте – Э. Гофман (5,5%). На четвертое место в конце конкурса вышла Л. Путина, родившаяся и выросшая в Калининграде (3,3%). Такой большой отрыв Канта от других участников свидетельствует о признании важнейшего места философа в истории Кёнигсберга и Калининграда. Его имя носит местный университет (ныне Балтийский федеральный университет им. И. Канта), а могила у стен Кафедрального собора давно стала одним из обязательных мест для посещения официальных делегаций, туристов, свадебных кортежей. Кант стал своеобразным *genius loci* Калининграда, связующим звеном между прошлым и настоящим, между Кенигсбергом и Калининградом.

Анализ символического пространства «калининградского текста» показывает наличие у него устойчивой ядерной структуры. Официальная символика города и области в целом вполне вписалась в семиотический универсум регионального массового сознания, в котором представлены два мира: «свой» и «чужой», довоенный. Последний, безусловно, был не аутентичным миром немецкой культуры, а неким мифологизированным представлением о нем. Было время, когда эти два мира воспринимались как враждебные и враждующие,

когда можно было говорить о своеобразном противостоянии, «битве символов», когда любая репрезентация довоенного прошлого была под запретом, вызывала ожесточенные протесты или, по крайней мере, настороженность. В 90-е годы, когда о немецком прошлом стали открыто говорить, писать, изучать, что-то восстанавливать, противостояние даже обострилось: одни кинулись изучать и восстанавливать, а другие – негодовать и угрожать регерманизацией области и т.д. 2005-й – год 750-летия города – стал рубежом, за которым изменился характер взаимоотношений. Открытое противостояние сменилось сложным противоречивым взаимодействием:

Я к тебе приросла, прилипла,
как к полдню июльскому – липа...
как повилка к подолу березы,
как липнут руки к железу – в морозы,
оставляя рубцы на коже.
Да разве такое быть может?
Живу, четверть века чужую землю любя,
до дрожи, до отречения от себя,
до последней смертной разлуки... [19. С. 42].

Мозаичность города бросается в глаза приезжим, людям, у которых нет эмоциональной привязанности к данным культурным реалиям. Им Калининград представляется «пазлом, который не успели собрать». П. Вайль в очерке, посвященном Калининграду, дает нелицеприятную характеристику городу. Для него «навечно временный русский Кенигсберг пребывает умонепостижимой вещью в себе – как и учил здешний уроженец, четыре года бывший подданным России» [20. С. 41]. То, что П. Вайлю представляется каким-то немислимым историческим курьезом: «...город Канта в бескозырке, бетонная критика чистого разума» [20. С. 42], – по-иному воспринимается калининградцами, для которых этот сложный «пазл, который не успели собрать», стал «своим». Это особенно актуально для тех, кто представляет второе и третье поколение людей, родившихся в Калининграде, для них граница между «чужим» и «своим» становится все более проницаемой, складывается «свое чужое»:

Завоеватель был, конечно, прав:
Двум душам в этом городе не слиться.
И новые жильцы в чужих домах
Пугаются зеркал – всплывают лица – ...
Но нам, имевшим дело лишь с любовью,
На третьем поколеньи растеряв
Их ненависть, оплаченную кровью, –
«Что он Гекубе, что ему она?»
Чужое, как свое припоминая,
Кричит душа, освобождаясь от сна, –
По-русски, по-немецки ли – не знаю... [21. С. 139–140].

С осторожностью можно сделать вывод о наметившейся тенденции к преодолению культурного и исторического «разлома», которая прослеживается как в официальной символике области, так и в массовом сознании. Это совпадает с нашими выводами, которые были сделаны несколько лет назад на основе анализа текстов калининградских поэтов [22].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анциферов Н.П.* Душа Петербурга. Пг., 1922.
2. *Анциферов Н.П.* Книга о городе. Пг., 1926.
3. *Семиотика города и городской культуры.* Петербург. Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. XVIII.
4. *Топоров В.Н.* Петербург и петербургский текст русской литературы // *Мегафизика Петербурга: Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры.* СПб., 1993. Вып. 1. С. 205–235.
5. *Абаишев В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000.
6. *Абаишев В.* Город Пермь: смысловые структуры и культурные практики. Пермь: (б.и.), 2009.
7. *Люсый А.* Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003.
8. *Люсый А.* Наследие Крыма: геософия, текстуальность, идентичность. М.: Русский импульс, 2007.
9. *Москва и «московский текст» русской культуры:* Сб. ст. / Под ред. Г.С. Кнабе. М.: РГГУ, 1998.
10. *Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике.* Т. XI: «Таллинский текст» в русской культуре. Таллин: Таллинский университет, 2006.
11. *Гаврилина Л.М.* Калининградский текст в семиотическом пространстве культуры // *Вестник БФУ им. И. Канта.* Вып. 6: Сер. Гуманитарные науки. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. С. 75–83.
12. *Гаврилина Л.М.* Семиозис в пространстве Калининградской региональной субкультуры // *Семиотика культуры: антропологический поворот.* СПб.: Эйдос, 2011. С. 73–93.
13. *Лошаков А.Г.* Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен. Архангельск, 2007.
14. *Люсый А.П.* Сквозь символы. Диалектика символизации/десимволизации как фундаментальное основание прикладной культурологии // *Вопросы философии.* 2009. №10. С. 48.
15. *Кассирер Э.* Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. С. 440–723.
16. *Фадеева И.Е.* Символ в системе культуры: теория и феноменология. СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2003. С. 69.
17. *Афонин И.* Гербы Кёнигсберга и Калининграда // *Балтийский альманах.* 2005, № 5. [http://www.klgd.ru/city/history/almanac/a5_28.php]
18. *Попадин А.* Бинарные пары города К. Кое-что из символической топографии города // *Арт-гид. Кёнигсберг/ Калининград сегодня.* Калининград, 2005.
19. *Самусевич А.* Город судьбы моей – Калининград // *Запад России.* Калининград, 1997. № 1(18).
20. *Вайль П.* Карта родины. М.: Изд-во КоЛибри, 2008. С. 42.
21. *Викторова Л.* «Завоеватель был, конечно, прав» // *Солнечное сплетение. Современная калининградская поэзия.* Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 139–140.
22. *Андрейчук Н.В., Гаврилина Л.М.* Образ мира в системе калининградской региональной субкультуры // *Вестник РГУ им. И. Канта (Сер. Гуманитарные науки).* Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. № 6. С. 17–26.